

Общая газ.
1995-13

ОКНО В ЕВРОПУ

м.м.
с.н.

Тяга к примитиву

«Гоген и русский авангард» — выставка под этим названием проходит сейчас в Палаццо деи Диаманти, то есть Дворце Бриллиантов в итальянском городе Феррара.

Толпы туристов были привлечены в древний город вопросом золотисто-коричневой, на розовом песке, героини картины Гогена «А ты ревнуешь?», повторенной на тысячах плакатах и памятных майках. Феррара знаменита своими своеобразными культурными традициями. Здесь жил, грешил, сам на себя доносил инквизиции, был заточен как умалишенный Торквато Тассо, великий поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». Ныне Феррара славна инициативами: здесь базируется и часто выступает Молодежный оркестр Европы под руководством Клаудио Аббадо; в мрачной крепости герцогов д'Эсте бесконечны выставки (а сейчас экспозиция, посвященная деятельности Лукино Висконти в кино, театре, опере); новый музей-выставка, связанный с творчеством живого еще Антониони, находится совсем рядом, на той же улице, где Палаццо деи Диаманти предлагает зрителям, судя по названию, диалог Гогена и русского авангарда.

Естественно ли такое сопоставление? Что общего у русских и французского художника, перешагнувшего французскую же изысканность, нежный трепет импрессионизма ради бретонских и полинезийских примитивов? Ответы на свои вопросы я, зритель-обыватель, непрофессионал в области живописи, получила, побывав на выставке. В экзотике таитянского мира Гоген искал утраченный рай с его чистотой, простотой, недвусмысленностью, «нецивилизованностью» желаний. Максимилиан Волошин писал в 1908 году, через пять лет после смерти художника: «Гогену философский камень не нужен. Он любил то, что просто, реально, человечно. Воистину он не искал новой живописи, но новые лики жизни. И когда их нашел, полюбил, понял, тогда естественно создал также новую живопись». Гоген бросил все — семью, детей, родину, друзей — в стремлении найти свой мир, далекий от европейских канонов. Неприкаанный, но свободный, жадный ко всем проявлениям яркой живой жизни, он не заботился о внешних «приличиях» и стабильности своего существования. То моряк, то журналист, писатель, то коммивояжер, рекламирующий непромокаемые ткани, то расклеивщик афиш, рисовавший на Таити за шесть франков в день, он как «старый европеец» умер в Полинезии.

Может, эта тяга к упрощающему, очищающему грубому примитиву и сближала русских начала века и непредсказуемого французского странника?

Далекий, казалось бы, от мира Гогена, известный купец-коллекционер Михаил Морозов сразу купил четыре работы Гогена, по пятьсот франков каждая, и — первооткрыватель — впервые привез их в Москву.

Иван Морозов, вслед ему, и Сергей Щукин стали крупнейшими собирателями не только современного русского искусства, но французской

живописи, пластики. В уникальном собрании русских коллекционеров, помимо замечательных отечественных полотен, — шедевры Матисса, Ренуара, Синьяка, Моне, Сислея, Пикассо... А Гогена — 29 работ: 11 из коллекции Ивана Морозова, 16 — Сергея Щукина, две работы остались от М. Морозова. И все картины отобраны коллекционерами со вкусом, пониманием отменным. Эти собрания картин, открытые в их домашних галереях любопытному глазу, не могли не воздействовать на современников.

История выставки такова. После огромной выставки работ Гогена в Москве родилась идея соединения в единой экспозиции некоторых близких ему по духу отечественных работ начала века. Одним из главных энтузиастов этой концепции была искусствовед Марина Бессонова. Лет восемь назад выставка была сформирована и экспонирована в наших столицах. Теперь Феррара стала первым «местом выезда» интересной экспозиции за пределы России. Большую помощь оказало итальянское объединение «Артифичьо», генеральный координатор Филиппо Зевин. Всего представлено 37 полотен Гогена, десять его ксилографий, 2 рисунка, 7 фигурок (оригиналы из дерева), отливки и 22 работы русских художников.

Рядом с другими живописными выставками, проходившими в Ферраре в последнее время — «Клод Моне и его друзья», «Марк Шагал», «Живопись и действительность», — эта экспозиция продолжает линию интересных пластических сопоставлений. На помпезное открытие ее приехали президент Итальянской республики Скальфаро и посол России в Италии. Масса посетителей, большой успех. Но... Залы прелестного Дворца Бриллиантов нехороши для масштабных полотен гогеновского стиля. Залы по-средневековому тесны, в них, на мой взгляд, неудачное освещение. Конечно, надо учесть, что у устроителей, помимо обычных организационных, были иные большие трудности. Добываясь матовости своих чистых, интенсивных тонов, Гоген добавлял в краски воск. С годами воск активно реагирует со средой, меняя прежнюю цветовую гамму. Приходится бороться и над разрешением еще одной проблемы — «расползанием» тканевой основы гогеновских картин. Ведь художник, не имея средств на холсты, использовал непрочные джутовые мешки. Но трудности реставраторов — «за кадром», о них редко пишут.

Обидно иное. Рядом с гогеновскими шедеврами превосходные работы русских художников все же кажутся малозначительными, вторичными. Жаль, что такие мастера, как Лентулов, Сарьян, Рерих, Гончарова, Петров-Водкин, Ларионов и другие не представлены на выставке своими вершинными работами.

Строгое соседство картин по времени создания — так ли оно важно? Истинное глубокое влияние не имеет временных ограничений. В этом, думается, ценность и перспективность параллели «Гоген и русский авангард».

...А после посещения выставки я не нашла своего скромного зонтика, оставленного, как многие другие, у входа. Украли ценители искусств, даром что в Италии.

Елена ПЕТРУШАНСКАЯ

Поль Гоген. Гаитянские просторы. 1893 г.